

Алексанова Светлана Арамовна

СИНКРЕТИЗМ, КОНТАМИНАЦИЯ, МНОГОЗНАЧНОСТЬ (ЕТС.): О ТЕРМИНАХ

Дуальная природа синкретизма отражена в значительном количестве определяющих понятие терминов, содержание которых нуждается в уточнении и более четкой дифференциации. В статье на основе анализа части терминосистемы русского языка, связанной с понятием "синкретизм", неоднозначно трактуемым прежде всего в сфере синтаксиса, дифференцируются устоявшиеся термины и предлагается определение синтаксического синкретизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Филологические науки

Дуальная природа синкретизма отражена в значительном количестве определяющих понятие терминов, содержание которых нуждается в уточнении и более четкой дифференциации. В статье на основе анализа части терминосистемы русского языка, связанной с понятием «синкретизм», неоднозначно трактуемым прежде всего в сфере синтаксиса, дифференцируются устоявшиеся термины и предлагается определение синтаксического синкретизма.

Ключевые слова и фразы: языковая система; языковая семантика; недискретность; синкретизм; переходность; контаминация; многозначность.

Алексанова Светлана Арамовна, д. филол. н., доцент
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Славянске-на-Кубани
alexanova@inbox.ru

СИНКРЕТИЗМ, КОНТАМИНАЦИЯ, МНОГОЗНАЧНОСТЬ (ЕТС.): О ТЕРМИНАХ[©]

Активно разрабатываемая в лингвистических исследованиях теория синкретизма породила множество терминов, определяющих само понятие и нуждающихся в уточнении, особенно в части их использования в синтаксисе.

Рассуждения о сложном и многогранном явлении синкретизма целесообразно начать с некоторой преамбулы, позволяющей проникнуть в онтологию предметной области.

Связь языка с действительностью не является непосредственной, она опосредована мышлением. Связующим звеном между языком и мышлением является значение. В этой опосредованной связи языка и мышления через значение видится внутреннее единство дискретности языка и континуальности мышления, несмотря на то, что механизмы этого взаимодействия остаются не вполне ясными. Однако бесконечность континуального мира и конечность дискретного знака, сосуществующие как противоположности, нуждаются в определенном ослаблении оппозиционности.

Понимание континуальности/дискретности мыслительной деятельности и языка определяется уровнем взаимодействия языковых структур. Соотношение мышления и языка представляется как соотношение нерасчлененного и расчлененного, континуального и дискретного. Оба феномена мыслятся как синкретичные [6, с. 37].

Язык не имеет точного соответствия между означаемым и означающим, в отличие от других семиотических систем. Асимметрия языкового знака проявляется во всех порождаемых тенденциях. Именно поэтому само понятие синкретизма – по своей сути явления асимметричного – в разные периоды развития научной мысли трактовалось и использовалось по-разному.

Синкретизм – феномен не только лингвистический. Он широко присутствует в различных областях знания и как термин используется во многих науках. В искусствоведении и литературоведении он понимается как *слитность* первобытного искусства и *неразличение* родов и жанров поэзии; в философии – как механическое *соединение* разных воззрений; в лингвистике признается *сочетанием* дифференциальных свойств противопоставленных языковых явлений [4, с. 9-17].

Не трудно заметить, что при таком понимании под термином скорее кроется синкретичность, нежели синкретизм. Синкретичность в противовес аналитичности мыслится как нечто недискретное, симультанное. Подобная трактовка имплицитно содержит элемент негативной коннотации, очень близкий или совпадающий с эклектизмом.

Негативизм этот в достаточной степени объясним: синкретизм в первичном понимании определялся нерасчлененностью первобытного человеческого сознания, характеризующегося целостностью восприятия в процессе постижения мира. Однако, очевидно, размышление о синкретизме «не может ограничиваться простой констатацией факта некоего соединения, объединения» [3, с. 62].

Синкретизм – это одна из характеристик современной русской лингвокультуры, складывающейся в условиях социальной дифференциации и неизбежно влекущей расчленение институтов коммуникации [10, с. 259].

В лингвистических исследованиях решение проблем синкретизма связывается с «феноменом недискретности», являющимся родовым свойством языка, человеческого мышления и восприятия мира, а не «недостатком» [8, с. 8], который нуждается в неременном устранении [4, с. 12]. На первый план выносятся вопросы о том, *что* соединяется, почему, как и при каких условиях происходит такое соединение [3, с. 62]. Лингвистический синкретизм находит свое последовательное осмысление сквозь призму статуса языка «как особой формы существования, воплощения бытия и законов развития материального мира» [Там же].

Дуальная природа синкретизма отражена в значительном количестве терминов, определяющих само понятие – *переходность* ь, *синкрет* изм, *конт* аминация, *полисемия*, *многозначност* ь, содержание которых по-прежнему требует уточнения и более четкой дифференциации.

Сопоставление дефиниций *синкретизм* и *контаминация* [7, с. 238] позволяет определить границы терминов в различных аспектах: синкретизм – явление парадигматического порядка, а контаминация – синтагматического.

В качестве доказательства подобного разграничения приводится пример конструкций сложного дополнения английского языка: *John believes Bill to be ill* / Джон считает Билла больным, где *Bill* / Билл – дополнение и объект данного предложения, но субъект состояния и подлежащее исходного предложения: *John believes that Bill is ill* / Джон считает, что Билл болен ([1, с. 511], ссылаясь на Дж. Джонсона; *перевод наш* – С. А.).

Изучение синкретизма в лингвистике связывается с *многозначностью* языковых фактов, *полисемией*. Концепция многозначности, включающая регулярную многозначность, основана на представлении о дискретной организации лексических значений [Там же, с. 510].

Лингвистическая традиция рассматривает *многозначность* как самый общий термин наряду с *полисемией* и *неоднозначностью*. Проследим все же различия между ними.

Отношение к многозначности формируется на базе фундаментальных оппозиций, определяющих принципиальное устройство языка: дискретность/ градуальность; “*ergon*” / “*energeia*”; воспроизводимое/ порожаемое [5, с. 20-21].

Полисемия связана с лексической системой языка, многозначность выходит за ее пределы. Полисемия – явление парадигматики, многозначность охватывает и синтагматику. В отличие от полисемии, многозначность характеризуется возможностью *одновременной* реализации нескольких значений. Следовательно, термин *многозначность* охватывает как сферу полисемии, так и сферу неоднозначности [Там же]. Это наиболее ярко проявляется в синтаксисе, сближая многозначность с неоднозначностью. Именно в возможности *одновременной* реализации нескольких значений видится пересечение понятий *многозначность* и *синкретизм*.

Неоднозначность есть проявление многозначности (у Д. Ю. Апресяна [1, с. 509] находим описание типов неоднозначности в структуре общей теории многозначности). Дифференцируя лексическую и синтаксическую неоднозначность, Ю. Д. Апресян определяет последнюю как явление синтаксической омонимии (вслед за Л. Н. Иорданской), поскольку синтаксические построения типа *Мужу изменять нельзя*, не имеющие в своем составе многозначных слов, допускают два варианта осмысления в силу соответствия двум разным синтаксическим структурам [Там же, с. 509-510]. Подобные конструкции в случае их неуместной речевой реализации оцениваются лингвистами как коммуникативная неудача [5, с. 27].

Четкое разграничение структуры синтаксической неоднозначности как многозначности, пересекающейся с понятием синкретизма, и как коммуникативной неудачи могут снять или по меньшей мере расчленить проблему. Коммуникативные неудачи следует признать результатом произвольного, непреднамеренного речевого акта. Подобные конструкции должны быть отделены от конструкций с синтаксической неоднозначностью синкретичного плана, т.е. произвольных, преднамеренных, направленных прежде всего на реализацию законов экономии языковых усилий.

Языковая система, антропоцентричная по своей сути, одновременно характеризуется как стремлением к избыточности, так и к компрессии смысла. Эти тенденции универсальны. Стремление говорящего обеспечить надежность передачи информации ведет к использованию конструкций с максимально репрезентативным содержанием. Стремление же к экономии языковых усилий приводит говорящего к необходимости выбора конструкций с предельно конденсированным смыслом, значительная часть которых содержит синкретичные единицы.

По этой причине именно для синтаксиса понятие *неоднозначности* специфично. Неоднозначность как возможность одновременной реализации нескольких значений, как было отмечено выше, сближается с синкретизмом. Применительно к синтаксису говорить о синкретичной неоднозначности можно как об *одновременном* совмещении нескольких (двух и более) значений в условиях реализации тенденции языковой системы к компрессии.

Современный синтаксис сохраняет устойчивую тенденцию к изучению синкретичных единиц, определение статуса которых позволяет лучше уяснить природу пограничных переходных явлений в высшем ярусе языка. При этом необходимо решить, пожалуй, самый сложный вопрос теории синкретизма – о близости и различии понятий *переходность* и *синкретизм*.

Явления переходности и синкретизма имеют разную функциональную нагрузку. Переходность определяется как универсальное свойство языка, отражающее взаимосвязь языковых фактов и скрепляющее их в целостную систему. Синхронный характер явлений переходности связывается с теми фактами, в которых обнаруживается синкретизм – совмещение (синтез) дифференциальных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка. Синкретизм понимается как свойство языковых и речевых единиц, одно из проявлений переходности [2, с. 5]. Следовательно, переходность – явление языка, а синкретизм – и языка, и речи. Такое разделение понятий вполне оправданно. Синхронный срез языка диктует определенные условия функционирования его единиц, результатом которого может являться синкретизм значений [Там же].

Учитывая функциональную природу пограничных явлений, синкретизм можно определить как способность языковой единицы недискретно (нерасчлененно) выражать более одного значения в одном речевом употреблении. Это позволяет говорить о синкретизме как преимущественном явлении синтаксиса, ярко представленном на уровне членов предложения, тогда как переходность – процесс поступательный – наиболее характерна для морфологии.

Становится возможным и предположение о недискретном синкретизме как синкретизме уровня языка, а дискретном – как синкретизме уровня речи, который может быть устраним в результате синтагматического анализа. При таком понимании синкретизм не обязательно должен являться лишь звеном определенного этапа процесса переходности. Он каждый раз будет проявлять себя в определенном синтагматическом окружении и разрешаться вне этого окружения, не стремясь к переходу в иное качество.

Таким образом, важнейший принцип экономии языковых усилий как основная тенденция в развитии и функционировании системы языка определяет подходы к определению *синтаксического синкретизма*, который можно рассматривать как совмещение в одной формально организованной единице двух и более значений, функций, являющихся постоянным элементом нерасчлененного смысла в определенных синтаксических условиях.

Данное определение не противоречит выделению двух типов синкретизма (дискретного и недискретного), идея о необходимости различения которых служит основой для возможной дифференциации необратимых сдвигов в системе языка в процессе его развития в парадигматике и устранимых в результате анализа синкретичных явлений в синтагматике [9, с. 244-245].

Подведем итоги. В результате сопоставления лингвистических терминов, нередко используемых как синонимичные, выявляется уникальная природа синкретизма, позволяющая дифференцировать смежные с ним явления.

Наибольшая близость значений обнаруживается у терминов *синкретизм* и *неоднозначность*, точкой пересечения которых является возможность *одновременной* реализации двух и более значений в одном речевом употреблении. Термины *переходность* и *синкретизм*, часто недифференцируемые, имеют разную функциональную нагрузку. *Переходность* – системообразующее явление языкового уровня; синкретизм обнаруживает себя как свойство языковых и речевых единиц.

Лингвистический синкретизм – явление глубокое и глубинное – характеризуется асимметрией плана содержания и плана выражения: количество поверхностных структур всегда превышает глубинные, что позволяет рассматривать недискретный синкретизм как понятие языкового уровня, а дискретный – как синкретизм уровня речи, устранимый в результате синтагматического анализа.

Синтаксический синкретизм выступает как объективная характеристика лингвистического синкретизма, сосредоточенная на его онтологическом свойстве как единстве глубинных характеристик языковых явлений. В отличие от иных смежных явлений, синтаксический синкретизм – явление прежде всего функциональной природы, базирующееся на «свободном синтезе» [3, с. 70] значений, способных расчленяться или оставаться нерасчлененными в конкретных синтагматических условиях.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. О регулярной многозначности // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1971. Т. XXX. Вып. 6. С. 509-523.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина; под ред. В. В. Бабайцевой. М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. С. 3-14.
3. Береснева В. А. Лингвистический синкретизм как актуальная категория современного языкознания // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 2. С. 62-70.
4. Высоцкая И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: Изд-во МПГУ, 2006. 304 с.
5. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20-45.
6. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: КомКнига, 2006. 272 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
9. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1975. 311 с.
10. Шаклеин В. М. Явление синкретизма в современной русской лингвокультуре // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. 2007. Т. 20 (59). № 1. С. 257-262.

SYNCRETISM, CONTAMINATION, POLYSEMY (ETC.): ABOUT TERMS

Aleksanova Svetlana Aramovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kuban State University (Branch) in Slavyansk-on-Kuban
alexanova@inbox.ru

The dual nature of syncretism is represented in a significant number of terms defining the notion, the content of which needs more precise definition and clear differentiation. The article, basing on the analysis of the part of the Russian language term system, related to the term “syncretism” and ambiguously interpreted primarily in the sphere of syntax, differentiates the established terms and proposes a definition of syntactic syncretism.

Key words and phrases: language system; language semantics; nondiscreteness; syncretism; transitivity; contamination; polysemy.